

Татьяна Ческидова

Татьяна Ческидова родилась в 1967 г. в городе Вильнюсе Литовской ССР. Живёт в г. Троицке Челябинской области. Училась в Челябинском институте механизации и электрификации сельского хозяйства. Предприниматель. Руководитель троцкого литературного объединения «Степь» и молодёжной литературной студии «Жаворонки».

Выпускница Литературных курсов 2019 г.

Пишет стихи.

Участник лаборатории художественного перевода «Мосты над облаками» (Челябинск). Автор трёх поэтических книг и многочисленных публикаций в журналах, сборниках и альманахах.

Победитель XX Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции – 2020» в номинации «Литературный перевод». Лауреат областных литературных конкурсов и фестивалей: «Литера Артель» (2018), «Комсомолу – 100» (2018), «Уральская лира – 2019», «Каслинские литературные чтения» (2018). Финалист международных литературных конкурсов: «Мгинские мосты», «Диалог с жизнью», «Посох и лира»; Межрегионального литературного конкурса им. Е.П. Гусева «Яблочный спас».

Член Союза писателей России.

Земля, что боль в себя впитала

Спи, Мариуполь

Из цикла «Звёзды над Донбассом»

Спи, Мариуполь. Сны –
Ветром в пустых глазницах.
Вспомнят ли стены-лица
Музыку тишины?

Всё ещё наспех ночь
Штопает улиц раны,
Крыш опалённо-рваных
Страх отгоняет прочь.

Спи, улеглась гроза.
Звёзды – над каждым домом.
Ах, как до слёз знакомы
Ясные их глаза.

В тех неземных лучах,
Памятью, люди-свечи
Носят нечеловечью
Боль на своих плечах.

Спи, опалённый мой.
Утром, что Божья манна,
В окнах цветы каштана
Вновь запоют весной.

Метель

Не разгадывай тайны её языка:
Не ищи ни синквейны, ни стансы.
К ней неистово мчатся на шабаш снега
И сплетаются в бешеном танце.

Сквозь бездонную пропасть студёных веков,
Заполoshная, по бездорожью
Дикой пляской и ныне влечёт смельчаков,
И лукавит: «На всё воля Божья».

Несут заботливо снега
Земле усталой облаченье,
Волшебно их предназначенье
И суть – таинственно легка.

Но в белом – чудом из чудес –
Слились в единое три цвета:
Весны – зелёный, красный – лета
И синь осенняя небес.

Смотрю на снежные поля,
Что дышат мнимой тишиною,
Под бесконечной новизною
Незримы краски бытия,

И светел мир в узорах дней.
Но лишь взыскующему взгляду
Снега откроются в награду
Цветною россыпью огней.

Схвачен хмуростью день
И застиран до серости. Мысли,
Словно мюсли, густы
От разбухшей распутицы слов.
Невидимкою – тень,
И следы за спиною раскисли.
Но звенят с высоты
Провода безымянных столбов.
И вшивается дождь,
И вживается в листья и стены –
Вездесущий, как Бог –
Я в ладонях его постою.
Пусть насквозь... Ну и что ж?
Мне услышатся строки вселенной,
Где и Тютчев, и Блок
Вновь подштопают душу мою.

В Урзуфе

Из цикла «Звёзды над Донбассом»

В Урзуфе майский дождь подмышки
Щекочет морю. Вот чудак!
Ветра, как дерзкие мальчишки,
С прибоем спорят за пятак.

А я не спору: «Море, вскоре
Мне уезжать!». Щемит в груди.
Брожу, ракушки монитора,
Шепчу, наивная: «Ты жди».

Азовский берег – в жизнь длиною,
Здесь всё ещё нельзя – одной...
И Пуля Пулькина со мною
(Такой у Ксюши позывной).

Она – москвичка, я с Урала.
Струной, строкой связала нас
Земля, что боль в себя впитала,
С великим именем – Донбасс.

Не скифы с Ксюшей мы, не греки...
Мы – не Восток, не Запад, но,
Мы – русский дух, мы – человеки,
И человечности зерно

Сажаем вопреки фугасам
И минам. Выверен маршрут,
Ведь с нами «Звёзды над Донбассом»,
А значит, зёрна – прорастут!

Сухоцвет

На кухне утром, на просвет
Цветеньем безупречен,
В стеклянной вазе сухоцвет
Уверовал, что вечен.
Я лишь коснулась наготы
Его тончайших линий,
И вдруг осыпались цветы
Пыльцой небесно-синей.

Так жизни иллюзорен миг –
Юнец... и вот уже старик.

Сентябрьский вечер. Юный ясень
Кладёт поклоны у ворот.
И мне неясный этот ясен
Погоды резкий поворот,
Где тучи дружно, словно грузди,
Повылезали из небес.
И нет в груди ни капли грусти.
Есть затаённый интерес
К невыразимой этой были,
Что всколыхнула мой покой,
К дождю, что скоро запах пыли
Пригладит мокрою рукой.

Словно из прошлого – просека.
Сосны – княгини былинные,
Осень на плечи им бросила
Тучи – меха соболиные.
Травы – осёдланы ветрами –
Рвутся конями булаными.
Ждут ли их тропки заветные?
Манят ли подвиги славные,
Или с листвой бесшабашные
Игрища в диких урочищах?
Только дождями сермяжными
Скорые снега пророчатся.

По дороге на Кижы

Разлеглась лениво лужа
По дороге на Кижы.
Ей пароль заветный нужен:
«Свет мой, зеркальце, скажи...»

Спорить с лужею не стану,
Я ж не враг и не тать.
Сколь и есть во мне изъяну,
Что ж на лужу-то пенять?!

Загляну в её бездонье,
Слог секретный прошепчу...
А по ней, как по ладони
Ветер вдруг закружит, чу!

Облака да небо – в кучу!
(Ворожит чего, поди?)
Лужа выдаст – нахлобучась –
Будто выдох: «Проходи!».

Дымят дома, как паровозы,
Вдоль стылых улиц по утрам.
Такие жгучие морозы,
Что ноябрю не по нутру.

А мне, по снежности идущей
Сквозь новизну природных сил,
Морозный воздух вездесущий
Ресницы даром нарастил,

Подкрасил чёлку втихомолку,
Сгустил румянец на щеках
И протянул ветлы метёлку,
Как будто вся ветла в цветах.

И на душе светло, как в небе,
И мысли ткут узор строке.
А впереди зима – что лебедь
На белотканом рушнике.

Посвящается Дню памяти блокадного Ленинграда

Снова птицы с крестами
Неистовым градом
Сеют смерть на усталой
Груди Ленинграда.
Над мечтой опалённой
Всё марево вьётся –
Вот уже миллионный
Блокадник вознёсся.
Похоронные сводки –
Обычное дело.
И лежит в околотке
Замёрзшее тело –
Истощённый ребёнок
В худом полушалке.
У прохожих силёнок
Не хватает на «жалко»,
У прохожих ни хлеба,
Ни слёз... только даты...
Совершенно нелепо
Их спины крылаты.
Их тела увезли
В крематорий в субботу,
А они, погляди,
Всё идут на работу.
И латают на сердце
Дыру за дырой,
Чтоб вознёсся над смертью
Их город-герой.

И вновь от города в бега
Пускаюсь по дорогам-венам,
Где жмут январские снега
Лесам по самое колено,
Где режут взор до слепоты
Зимы белёдые чертоги.
Полей развёрнуты листы
По обе стороны дороги,
В их незатейливости есть,
Как в душах, ширь и дух свободы.
И я спешу, и мне за честь
Прочсть послание природы.

А лето в медном купоросе
Ещё полощет неба гладь,
Но август обречён на осень.
Уже поставлена печать
Печатным пряником медовым
На чайном столике в саду,
И горизонт крылом свинцовым
Несёт дожди. А я краду
Остаток дня, ещё смакуя
Тепло небес. И, может быть,
Когда-нибудь вот так смогу я
Безмерно осень полюбить.

Художнику

Скользила кистью по холсту
Мечта, наполненная светом:
Белила в роще бересту,
В полях сияла горицветом,
В лазури солнечного дня
Купала юркую пичугу,
Лучами вешними звеня,
Разбередила всю округу.
Сюжету верили глаза,
Ведь краски были так покорны,
Что всем казалось – чудеса
На полотне нерукотворны.

Зима

Кто ты, белокурая?
Где твой дом и храм?
Ночью бедокурила
По чужим дворам:
То сорила крошевом –
Снежная чума,
То рвалась непрошено
Студюю в дома.
А к утру – блаженная –
Закрепчала сном.
И бела вселенная
За моим окном.
Солнце к небу ластится,
Зажигая даль.
И ложится на сердце
Светлая печаль.

В свете морозной ночи
Звёзды – как лёд горячи –
Золото плавят и медь,
Землю пытаюсь согреть.

К снежным полям тишины
Тянутся руки луны.
Кто там, укутанный в шаль,
Смотрит в кромешную даль?

Это за спящей рекой,
В снег упираясь клюкой,
Ёжась, старушка-сосна
Ждёт, не идёт ли весна.